

О МЕМУАРАХ ОТТО ФОН БИСМАРКА. ОПЫТ ИНТЕРПРЕТАЦИИ В РУССКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

Алексей Иосифович Жеребин

Доктор филологических наук, профессор,
заведующий кафедрой зарубежной литературы,
Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена.
Российская Федерация, 191186, Санкт-Петербург,
набережная реки Мойки, д. 48.
E-mail: zerebin@mail.ru

Политическая и литературная личность Отто фон Бисмарка, одной из ключевых фигур немецкой и европейской культуры XIX в., редко рассматривается как социально-психологический феномен своей эпохи. Вместе с тем значение Бисмарка выходит далеко за рамки истории международных и дипломатических отношений и должно изучаться в неразрывной связи с историей идей, в частности немецкого романтизма и русского славянофильства. Здесь Бисмарк представлен наследником идей немецких романтиков, предпринявшим попытку воплотить их мечты в исторической действительности созданной им Германской империи. Важнейшим источником для такой постановки вопроса является мемуарная книга Бисмарка «Воспоминания и мысли», сопоставимая с лучшими образцами документальной прозы, которые, не теряя специфики, не превращаясь ни в романы, ни в повести, являются в то же время выдающимися памятниками словесного искусства.

Ключевые слова: геополитика, Германская империя, исторический фатализм, консервативная утопия, мемуары, многополярный мир, «реалистическая политика», революция духа, романтизм, эстетический период.

DOI 10.17323/2658-5413-2020-3-3-31-41

Интерпретация текста, будь то текст литературный, исторический, биографический и другие, имеет задачей реконструкцию и концептуализацию его смысла. Если интерпретируемый текст может быть квалифицирован как продукт эстетической деятельности, то его смысл открыт и диалогичен. Он производится в акте коммуникации, в ходе творческого диалога между автором и читателем.

Читатель-интерпретатор призван актуализировать семантический потенциал текста с опорой на личный интеллектуальный и эмоциональный опыт. В этом заключается принципиальное отличие интерпретации от научного анализа,

предполагающего существование готового, до конца воплощенного в художественной структуре смысла, который исследователю-аналитику следует извлечь и раскрыть, избежав возможных ошибок. Сдвиг интереса с анализа на интерпретацию — одна из характерных тенденций современного гуманитарного знания, в частности истории литературы, включающей в себя «историю идей».

Историческое время далеко не всегда совпадает с хронологическим. Определенные культурно-исторические явления со временем начинают манифестироваться через символы: ими становятся крупные исторические фигуры, манящие нас явной значительностью, таинственностью, обладающие тем, что в XIX в. называли «магнетизмом». К таковым, безусловно, относится фигура князя Бисмарка и его опыт создания Германской империи. Перекрестя с этим опытом, сознание того, что он имеет отношение и к нашей сегодняшней ситуации, совершенно не зависят от нашей учености или полноты знания фактов и источников.

Эпоха европейского романтизма, в особенности так называемый эстетический период в Германии, создала образ человека-художника, призванного творить мир не в одном воображении, а и на самом деле, видящего свою задачу в том, чтобы пресуществить, одухотворить действительную жизнь. С точки зрения художника-романтика диссонансы истории представляют собой шифр, до поры до времени скрывающий грядущую гармонию, тот синтез духовного и чувственно-материального аспектов бытия, который уже для Фридриха Гельдерлина и Новалиса отлился в мифологему «Третьего царства». Крушение этого мифа началось с Бисмарка, с его эксперимента социально-политической революции сверху, которая должна была завершить романтическую революцию духа. В мемуарах Бисмарка угадывается мысль, что цель его борьбы за новую Германию не исчерпывалась созданием сильного милитаристского государства и обеспечением его гегемонии в Европе. Всемирно-историческое значение этой борьбы определялось ее метафизической сверхзадачей — воплощением консервативной романтической утопии золотого века.

Трагический результат этого опыта был осознан уже младшим современником Бисмарка Фридрихом Ницше (Ницше, 1990: 497), а затем, на фоне аналогичного крушения идеалов русской революции снизу, переформулирован Жаном Бодрийяром: «Жить можно только идеей искаженной истины. Это единственный способ жить в стихии истины. Отсутствие Бога. Или отсутствие Революции. Жизнь Революции поддерживается только идеей о том, что ей противостоит все и вся, в особенности же ее пародийный сямский двойник — сталинизм. Сталинизм бессмертен: его присутствие всегда будет необходимо, чтобы скрывать факт отсутствия Революции, истины Революции — тем самым он возрождает надежду на нее <...> “Мы не верим тому, что истина остается истиной, когда снимают с нее покров” (Ницше)» (Бодрийяр, 2000: 115).

Не исключено, что и Германская империя Бисмарка явилась в конечном счете лишь пародией его авторского проекта¹.

В 1871 г. энергичная дипломатическая и военная политика Бисмарка увенчалась образованием Германской империи. В том же году Н. Я. Данилевский выпустил в свет книгу «Россия и Европа», которая открывается следующим предложением: «Летом 1866 года совершилось событие огромной исторической важности. Германия, раздробленная в течение столетий, начала спланиваться под руководством гениального прусского министра в одно сильное целое» (Данилевский, 1995: 3).

Гениальный прусский министр — не кто иной, как Отто фон Бисмарк, которого современники сравнивали с Цезарем и Наполеоном, рассматривая его стремление к зодчеству истории как эстетический акт житнетворчества, созидания социокультурных ценностей. Страстная вера в великое предназначение Германии и в свою личную миссию творца новой, еще небывалой реальности, непреклонная воля и холодная расчетливость мастера, властно подчиняющего хаос эмпирического материала своему замыслу, презрительное недоверие к привычным иллюзиям и господствующим нормам общественно-политической жизни, твердое убеждение в том, что наличный порядок обязан отступить перед внутренней правдой истории, каковой она представляется ее автору-творцу, — все эти качества и черты мировоззрения Бисмарка, получившие отражение в его государственной деятельности, а позднее и в мемуарах, дали основание превозносить его как наследника и продолжателя той философско-эстетической революции духа, которая прославила Германию в первой половине XIX в.

Бессильная в национально-политическом отношении, Германия в продолжение так называемого эстетического периода (*Kunstperiode*) истории пользовалась в мире величайшим авторитетом как страна поэтов и философов, страна Иоганна Вольфганга Гете и Фридриха Шиллера, Иммануила Канта и Георга Вильгельма Фридриха Гегеля, родина романтических грез и метафизических прозрений. Так думала о Германии госпожа де Сталь, так думал молодой Виссарион Белинский, для которого Германия — «Иерусалим новейшего человечества» (Белинский, 1958: 152). Но уже в 1844 г. Генрих Гейне иронизировал:

¹ В статье не ставится задача исторического анализа; это делается в целом ряде современных работ, см.: Кокка Ю. Бисмарк и возникновение социального государства в Германии // Россия и Германия: Научный гумбольдтовский журнал. 2015. № 1-2 (9-10); Engelberg W. Das private Leben der Bismarcks. München, 2014; Kolb E. Otto von Bismarck: eine Biographie. München, 2014; Kraus H.-Ch. Bismarck: Größe, Grenzen, Leistungen. Stuttgart, 2015; Müller H. Schlaglichter der deutschen Geschichte. Bonn, 2004; Nonn Ch. Bismarck: ein Preuße und sein Jahrhundert. München, 2015; Steinberg J. Bismarck: Magier der Macht. Berlin, 2015; Willms J. Bismarck: Dämon der Deutschen. München, 2015; и др.

Французам и русским досталась земля,
Британец владеет морем,
А мы — воздушным царством мечты,
Там наш престиж бесспорен,

Там гегемония нашей страны,
Единство немецкой стихии,
Как жалко ползают по земле
Все нации другие!

(Перевод В. В. Левика)

Поэма Гейне называлась «Германия. Зимняя сказка»: ему казалось, что немецкая революция духа, изначально связанная с политической революцией 1789 г. во Франции, эту связь забыла и предала, остались одни застывшие узоры забытых снов. Накануне 1848 г. многие, подобно Гейне, мечтали, что Германия проснется под звуки «Марсельезы» — призрак коммунизма уже бродил по Европе. Но «немецкая весна» началась позже и не по французскому сценарию.

Начав политическую деятельность в революционном 1848 г., убежденный роялист Бисмарк сделал все для того, чтобы французский сценарий в Пруссии провалился. Когда в 1852 г. прусский король Фридрих Вильгельм IV отправил Бисмарка посланником в Вену, он характеризовал его в письме императору Францу Иосифу как своего личного друга и верного слугу, которого отличает «рыцарски свободная преданность престолу и непримиримая вражда к революции вплоть до самых глубоких ее корней» (Бисмарк, 1940: 71). Благодаря Бисмарку победу в Пруссии одержала другая, альтернативная революция — монархическая революция сверху, которой и надлежало переключить все достижения немецкой культуры в жалкую для приверженцев «возвышенного царства мечты» земную действительность, возвысив ее до них. Империя — так, во всяком случае, долгое время представлялось немецким интеллектуалам — призвана объединить не только немецкие княжества, но и два трагически разделенных царства — духа и материи. Имя «железного канцлера» стало символом прорыва в новое духовное пространство, имеющее обрести видимые очертания на территории объединенной Германии. С одной стороны, Бисмарк олицетворял политический реализм, то, что называлось тогда в Германии словом «Realpolitik», с другой — над его головой еще «витали», по выражению Фридриха Гундольфа, «безумные грезы наших одиноких мечтателей, наших очарованных идеалистов» (Gundolf, 1980: 304).

Эпоха Бисмарка, открывшаяся военными победами — в 1866 г. над Австрией, а затем, в 1870-м, над Францией, — словно бы доказывала, что немецкая гегемония в области духовной культуры служит лишь подготовкой и оправданием реаль-

ного мирового господства, путь к которому был открыт созданием Германской империи при главенстве Пруссии. Это государство стало «художественным произведением» Бисмарка, его личной утопией, которую он благодаря своему таланту и искусству в течение двух десятилетий успешно выдавал за жизнестойкую реальность, хотя и был вынужден — шаг за шагом — от нее отказываться, все ошутимее сворачивая на другие рельсы, ведущие, по выражению В. Эрна, «от Канта к Круппу» (Эрн: 1914: 116), а в более широкой исторической перспективе — к Третьему рейху.

Этот поворот рано почувствовал Федор Тютчев. В 1870 г., под впечатлением сокрушительного поражения Франции под Седаном, он пишет политическое стихотворение «Два единства»:

Из переполненной Господним гневом чаши
Кровь льется через край, и Запад тонет в ней.
Кровь хлынет и на вас, друзья и братья наши!
Славянский мир, сомкнись тесней...

«Единство — возвестил оракул наших дней, —
Быть может спаяно железом лишь и кровью...»
Но мы попробуем спаять его любовью, —
А там увидим, что прочней...

В одной из первых речей на посту премьер-министра Пруссии Бисмарк, тогда еще не «оракул наших дней», а начинающий политик, действительно заявлял, что важные вопросы современности решаются «не речами и высочайшими постановлениями, а железом и кровью» (Bismarck, 1956: 124). Но не Россия была адресатом силовой политики, сделавшейся своего рода брендом «железного канцлера». Главные его оппоненты — это западный либерализм, Немецкая партия прогресса в прусском ландтаге и либералы английской ориентации при прусском дворе с их проектом вестернизации Германии. «Источник нашей силы, — писал Бисмарк в 1863 г. генералу фон Гольцу, — не палаты парламента и не пресса, а великодержавная политика вооруженной руки» (Там же: 130).

В этом отношении тютчевское противопоставление «двух единств» бьет мимо цели. Мироззрение Бисмарка сложилось под сильным влиянием немецкого патристического романтизма (Walzel, 1918), одного из важнейших источников славянофильства (см. Степун, 1999), и несмотря на опасения, которые внушала канцлеру идея панславизма, общие для романтиков и славянофилов утопические представления о народной монархии и органической культуре не только не противоречили его взглядам, но и в значительной степени совпадали с его собственной политической программой.

Создание единой Германской империи мыслилось Бисмарком как исторический акт самоопределения, самоидентификации нации — по отношению к Западу и по отношению к России. Задача новой Германии заключается, по Бисмарку, в том, чтобы выработать и утвердить на международной арене свою индивидуальную политическую биографию, свой культурный код, или, если воспользоваться термином Данилевского, свой «культурно-исторический тип». Бисмарк убежден в том, что Средняя Европа, организующим центром которой должна стать созданная им империя, и Европа Восточная, центром которой является, по его мнению, царская Россия, призваны идти в будущее рука об руку, поддерживая друг друга в общей борьбе против экспансии Запада и его либеральной идеологии. Отсюда его устойчивые симпатии к России, твердая надежда на «политический капитал царской дружбы», противодействие немецким и русским западникам, решительная поддержка великодержавной русской политики как в «польском вопросе», так и ранее, в период Крымской войны. Несмотря на ее результат он утверждал, что никакие международные соглашения не способны надолго «лишить стомиллионный народ его естественного права на суверенитет над принадлежащим ему черноморским побережьем» (Бисмарк 1940: 95).

Однако для Бисмарка реализация романтической модели государства если и возможна, то не в России, где империя, навязавшая подданным ценности просвещенного Запада, и революция, вдохновленная западными же идеями, в равной степени антинародны. Наиболее благоприятным полем для эксперимента представляется Бисмарку протестантская Германия, родившаяся из протеста против западной цивилизации и ее идейных корней — не только французского Просвещения, но и римского католицизма, которому Бисмарк не случайно объявляет в 1871 г. непримиримую войну, известную как культуркампф: «В Каноссу мы не пойдем» (Bismarck 1956: 165).

Борьба за империю стала для Бисмарка звездным часом. Почти сразу после ее провозглашения он писал: «Я скучаю. Все великие дела свершились. Империя создана, она признана и уважаема всеми народами. Охотиться на мелкую дичь нет желания...» (Бисмарк, 1940: 27). Но «охота» продолжалась еще в течение 20 лет. Закрепляя победу своей консервативной революции как во внутренней, так и во внешней политике, Бисмарк искусно играл на противоречиях между партиями и великими державами, создавал и разрушал коалиции, наращивал могущество и обеспечивал геополитическую безопасность молодой империи. Он знал, что «международная политика представляет собой текучий элемент, который при известных обстоятельствах принимает твердые формы, но с переменой атмосферы вновь возвращается в свое первоначальное состояние» (Bismarck, 1956: 209). Главная цель его усилий — создание многополярного мира, одним из полюсов которого стала в 1882 г. Германия в союзе с Австро-Венгрией и Италией.

24-я глава его воспоминаний, посвященная созданию Тройственного союза, которому надлежало держать под контролем геополитическую ситуацию в Средней Европе, начинается примечательным рассуждением о постоянной борьбе двух направлений современной европейской политики, которые Бисмарк, ссылаясь на Наполеона, именует «республиканским» и «казацким» (Бисмарк, 1941: 94). Хотя первоначальный план включить в эту коалицию Россию провалился, все симпатии Бисмарка на стороне направления «казацкого».

Ни дипломатические успехи, достигнутые Бисмарком в 1870–1880-е гг., ни экономический подъем так называемой эпохи грюндерства не могли задержать распространения атмосферы культурного кризиса, который и немецкая, и русская философия вскоре осмыслили как вступление культуры в фазу цивилизации, переход от творчества к бесплодию, от становления к застою, от героических деяний к механической работе. Бисмарк, лелеявший утопию аристократической монархии, обостренно чувствовал разрыв между имперской идеей и необходимостью модернизации государственной машины с опорой на интересы капитала и пролетариата: они все резче выходили на первый план, все более явным становился их антагонизм, их требовалось примирить. Аристократу Бисмарку это претило, он брюзжал, нервничал, впадал в высокомерие. Его раздражала обнаглевшая чернь, как уличная, так и придворная, раздражал и молодой кайзер Вильгельм II, бездарный и тщеславный эгоцентрик, лицемерный и беспринципный, психически неуравновешенный, подверженный влиянию царедворцев, заискивающий перед толпой. Если в творческие годы создания империи присущая Бисмарку архаичность мировоззрения давала ему свободу от господствующих канонов и правил, то теперь она же способствовала тому, что он замкнулся в оппозиции — безнадежной и безвыходной.

Нарастающее взаимное недоверие и недовольство между кайзером и его легендарным рейхсканцлером закончилось тем, что Вильгельм отправил Бисмарка в отставку, которая глубоко его обидела. Осенью 1890 г., удалившись в свое саксонское поместье Фридрихсруэ, он, лежа на диване, начал диктовать одному из близких сотрудников по министерству иностранных дел, тайному советнику Лотару фон Бухеру, текст воспоминаний. Позднее он несколько раз перерабатывался и редактировался — сначала фон Бухером, затем самим Бисмарком, державшим у себя рукопись в течение семи лет, затем его секретарем Рудольфом Крисандером и историком Хорстом Кодем. В ходе работы воспоминания были выстроены в хронологической последовательности и оснащены богатым документальным материалом — выдержками из публичных речей и личной переписки, депеш и служебных записок. Первый том вышел под названием «Мысли и воспоминания» («Gedanken und Erinnerungen») в 1898 г., сразу же после смерти Бисмарка, второй, с авторским посвящением «Сыновьям и внукам для понима-

ния прошлого и в назидание на будущее», — лишь в 1921 г., уже после отречения кайзера Вильгельма II.

Среди произведений мировой мемуарной литературы XIX в. «Мысли и воспоминания» занимают одно из первых мест по насыщенности увлекательным историческим материалом первостепенной важности, по масштабу личности главного автобиографического героя, идеолога и политического деятеля, претворяющего идеологию в общественную практику, по остроте аналитической мысли и литературному мастерству автора.

Бисмарк — писатель аналитический, он стремится раскрыть причинно-следственные связи, законы, управляющие историческими событиями и поведением их участников. Историческая хроника сфокусирована в личности героя-рассказчика, пропущена сквозь его субъективные переживания, дана в свете его убеждений и оценок. В этом преломлении она становится предметом рефлексии, и именно ретроспективная рефлексия, пространство аналитической мысли образуют ту среду, в которой живет весь охваченный воспоминаниями исторический материал.

«Воспоминания и мысли» Бисмарка так же нераздельны, как «былое и думы» А. И. Герцена, и так же, как у Герцена, обе составляющие единства обладают несомненным эстетическим качеством (Гинзбург, 1957). Гундольф не без оснований называет мемуарную книгу Бисмарка «литературным памятником эпохи» (Gundolf, 1980: 304). К числу признаков, подтверждающих эту оценку, относится целеустремленный отбор изображаемого, организация событий в структурное единство, построение характеров, индивидуальных и в тоже время символически обобщенных, историческая символика выразительных деталей. Все это сближает Бисмарка не только с Герценом, автором «Былого и дум», но и со многими его современниками, создателями реалистической прозы XIX в.

Бисмарку не чужд исторический фатализм Л. Н. Толстого, у которого царь — раб истории. Мемуары населены десятками исторических персонажей — европейских монархов, их верных или лукавых слуг, генералов и чиновников разного ранга, и все они, думая, что правят миром, являются лишь наивными исполнителями и жертвами непостижимой мировой воли. Эта тема, толстовская и шопенгауэрская, не раскрывается у Бисмарка напрямую, но ощутима в эмоциональной атмосфере его повествования, где на первом плане — гордость и властный расчет, желание мести или славы, острая потребность в оправдании прошлого для будущего, а в подтексте — едва намеченная, но то и дело напоминающая о себе ироническая интонация, ирония старческого превосходства и еще более глубокий меланхолический мотив тщетности человеческих усилий, *vanitas vanitatum*.

Литература

- Белинский В. Г.** (1958) Письмо Д. П. Иванову. 1837. 7 августа // Белинский В. Г. Полное собрание сочинений: В 13 т. Т. 11. М.: Изд. АН СССР. С. 140–156.
- Бисмарк О.** (1940) Мысли и воспоминания: в 3 т. / Пер. с нем. под ред. проф. А. С. Ерусалимского. Т. 1. М.: Гос. соц.-экон. изд. 212 с.
- Бисмарк О.** (1941) Мысли и воспоминания: в 3 т. / Пер. с нем. под ред. проф. А. С. Ерусалимского. Т. 2. М.: Гос. соц.-экон. изд. 212 с.
- Бодрийяр Ж.** (2000) Соблазн / Пер. с франц. А. Гараджи. М.: Ad Marginem. 318 с.
- Гинзбург Л. Я.** (1957) «Былое и думы» Герцена. Л.: ГИХЛ. 375 с.
- Данилевский Н. Я.** (1995) Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. СПб.: Изд-во СПбГУ. 552 с.
- Ницше Ф.** (1990) Веселая наука // Ницше Ф. Сочинения: в 2 тт. / Сост., ред., вступ. ст. и прим. К. А. Свасьяна. Т. 1. М.: Мысль. 832 с.
- Степун Ф. А.** (1999) Немецкий романтизм и философия истории славянофилов // Степун Ф. А. Чаемая Россия. СПб.: РХГИ, 1999. С. 341–357.
- Эрн В. А.** (1914) От Канта к Круппу // Русская мысль. 1914. № 12. С. 116–124.
- Bismarck O.** (1956) Mensch und Staat. Aus den Briefen und Schriften. Hrsg. von Dr. Gert Buchheit [List-Bücher 74], München & Paul List Verlag.
- Gundolf F.** (1980) Bismarcks Gedanken und Erinnerungen als Sprachdenkmal (1931). In: F. Gundolf. Beiträge zur Literatur- und Geistesgeschichte. Ausgewählt und herausgegeben von Victor A. Schmitz u. Fritz Martini. Heidelberg: Verlag Lambert Schneider, 1980. S. 302–317.
- Walzel O.** (1956) Deutsche Romantik. Bd. 1-2. Leipzig; Berlin; B.G. Teubner, 1918. Bd. 1. S. 104–112.

GERMAN EMPIRE AS AN AUTHOR'S PROJECT

Alexey Zherebin

Doctor of Philology, professor, Head of Department Foreign Literature,
Russian State Pedagogical University named by A. I. Herzen.
48 Moika river embankment, St. Petersburg, 191186, Russian Federation.
E-mail: zerebin@mail.ru

The article represents the experience of a generalized interpretation of the political and literary personality of Otto von Bismarck as one of the key figures of German and European culture of the 19th century. The purpose of the article is to remind the reader that the significance of Bismarck goes far beyond the history of international and diplomatic relations and should be studied inextricably with the history of ideas in particular on the background of German romanticism and Russian Slavophilism. The important source for such a statement of the question is Bismarck's book "Memoirs and Thoughts", comparable to the best examples of documentary prose, which, without losing their specificity, do not turn into either novels or story and are at the same time outstanding monuments of verbal art.

Keywords: geopolitics, German empire, historical fatalism, conservative utopia, memoirs, a multipolar world, "realistic politics", revolution of the spirit, romanticism, "aesthetic period".

References

- Belinskii V.G. (1958) Pis'mo D. P. Ivanovu. 1837. 7 avgusta [Letter to D. P. Ivanov. 1837. 7 August]. *Polnoe sobranie sochinenij*, 13 Vols, vol. 11, Moscow: Nauka, pp. 140–156 (in Russian).
- Bismarck O. (1940) *Mysli i vospominanija* [Thoughts and Memories] (translation from German under the editorship of Professor A. S. Erusalimsky), 3 Vols, vol. 1, Moscow: Gos. soc.-jekon. izd (in Russian).
- Bismarck O. (1940) *Mysli i vospominanija* [Thoughts and Memories] (translation from German under the editorship of Professor A. S. Erusalimsky), 3 Vols, vol. 2, Moscow: Gos. soc.-jekon. izd (in Russian).
- Bodrijjar Zh. (2000) *Soblazn* [Seduction] (transl. from French A. Garaja), Moscow: Ad Marginem (in Russian).
- Danilevskij N. Ja. (1995) *Rossiya i Evropa. Vzglyad na kul'turnye i politiche-skie otnosheniya slavyanskogo mira k germano-romanskomu* [Russia and Europe. A Look at the Cultural and Political Relations of the Slavic World to the German-Romanesque], St. Petersburg: Izdatel'stvo SPbGU (in Russian).
- Ern V. A. (1914) Ot Kanta k Kruppu [From Kant to Krupp]. *Russkaya mysl'*, 1914, no 12, pp. 116–124 (in Russian).

- Ginzburg L. Ja. (1957) *“Byloe i dumy” Gercena* [“Past and Thoughts” by Herzen], Leningrad: GIKhL (in Russian).
- Nicshe F. (1990) *Veselaja nauka* [Fun Science] (compilation, editing, introductory article and notes K. A. Svasyan). *Sochinenija* [Essays], 2 Vols, vol. 1, Moscow: Mysl', pp. (in Russian).
- Stepun F. A. (1999) *Nemeckij romantizm i filozofiya istorii slavyanofi-lov* [German Romanticism and the Philosophy of Slavophile History]. *Chaemaya Rossiya* [Desired Russia], St. Petersburg: RHGI, pp. 341–357 (in Russian).
- Bismarck O. (1956) *Mensch und Staat. Aus den Briefen uns Schriften*. Hrsg. von Dr. Gert Buchheit [List-Bücher 74], München & Paul List Verlag (in German).
- Gundolf F. (1980) *Bismarcks Gedanken und Erinnerungen als Sprachdenkmal (1931)*. In: F. Gundolf. *Beiträge zur Literatur- und Geistesgeschichte*. Ausgewählt und herausgegeben von Victor A. Schmitz u. Fritz Martini. Heidelberg: Verlag Lambert Schneider, 1980. S. 302–317 (in German).
- Walzel O. (1956) *Deutsche Romantik*. Bd. 1-2. Leipzig; Berlin; B. G. Teubner, 1918. Bd. 1. S. 104–112 (in German).